

Ирина Беньковская

Дактиль, амфибрахий и анапест

* * *

Выноси-спасай свое добро,
скарб, бечевкой схваченный крест-накрест, –
золото, железо, серебро
(дактиль, амфибрахий и анапест).

Только далеко не унести –
прошлое не удержать в горсти,
письма рассыпаются из связки;
а у самой бездны на краю
песню безутешную свою
тянут пикты в боевой раскраске.

Их рубахи ветхие пестры,
и чадят высокие костры,
голоса надтреснутые стройны,
выноси-спасай свое добро,

и когда поют они – в лугах,
ульях, муравейниках, стогах
вспыхивают маленькие войны;
сводит спазмом руку у писца,
спорынья лелеет червеца.

Привыкай, – поют они, – к земле,
к нищенской похлебке на столе,

отвыкай от имени и речи;
торный путь нащупывай во мгле,
плащ пеньковый примеряй на плечи;

а когда на площадь поведут –
не пытайся вырваться из пут,
не упрямясь, пропускай удары –
чтобы стлался вой из-под земли,
чтобы сердце отыскать могли
дротиком малютки-медовары.

Ганс мой еж

Что за чудный лес на пути. Пойдешь
со мной? Говорю тебе – не пойду.
Там на дереве – еж, черный страшный еж;
знай сидит себе на суку, играет в свою дуду.

Этот еж-волынщик в суконном камзоле, верхом
на подкованном петухе – высоко сидит,
далеко глядит, ничего не видит. Прижмется безгубым ртом
к костяной трубе – сразу слышится стук копыт:

с дальних пастбищ на голос стекаются, торопясь,
крутолобые, серые, черные, пегие – им не видать конца;
мимо стылых домов, уходящих по ставни в грязь,
мимо мертвых застав, где столетьями ждут гонца.

Онемел монастырский колокол. Мрут от голода города.
Корабельной смолой крепостной заливают ров.
Ганс мой еж, да умножатся вечно хмельные твои стада –
это буйное море ослиных, свиных голов.

Но когда настанет великий праздник, когда засверкает нож
(Ганс мой еж!),

и свирепую радость выплеснет через край –
хоть два дня скачи, хоть криком кричи,
этот смертный визг догонит меня в ночи,
как коня ни гони, как уши ни зажимай.

* * *

Ночь на убыль, месяц – в рост;
мерзни, мерзни, волчий хвост,
бей копытом, волчья сыть;
выйти в ночь – убиту быть:
кануть в прорубь, захлебнуться,
тихой рыбой обернуться
под тяжелым тусклым льдом.
Но всего страшнее – дом:
усмежаются портреты,
не дотянешь до рассвета
в тесном круге меловом.
Баю-баю, мир бессонный,
месяц краденый, картонный,
страх, упрятанный в фольгу;
след овечий на снегу.

* * *

Отравлен хлеб, разграблен дом,
чума возьмет свое.
Гори Антоновым огнем,
постылое житье!

Дробись, зерно, мелись, мука,
растопливайся, печь;
ликуй в гортани мясника,
придуманная речь.

Всходи на порченных хлебах,
на сукровице и бобах;

медвяной падью запеклось
безумье на губах.

* * *

Вот стрела негромкая пропела
незатейливым вечерним горном;
глянь – червонно-красные на черном,
молча скачут всадники Учелло.

Чалые, гнедые, вороные –
алые на черном небосклоне;
реют наконечники стальные,
и беззвучно всхрапывают кони.

Не печалься – это ли не радость,
не пугайся, это ли не слава?
Слева неба на вершок осталось,
конница во тьме заходит справа.

Сумерки оливкового сада.
Кровь не смоешь, время не рассудит.
Больше ничего уже не надо,
больше ничего уже не будет.

* * *

Предпоследняя свобода,
сумрачный осенний бред;
под эмалевыми сводами
вдруг выключили свет.

Сумерки негромко тлеют,
душу скручивая в жгут.
Одевайся потеплее –
нас уже три года ждут.

Вот последние строенья,
вот билет в один конец,
дым над логом; чье-то пенье
(кто не слушал – молодец);

мимо пашен разоренных
молча движется во тьму
вереница пеших, конных,
неоплаканных, бессонных,
к вечности приговоренных,
не подсудных никому.

* * *

Долго ли, коротко ли брели –
увидели дом на краю земли;
пообжились, сыграли в «умри-воскресни»;
не запирали на ночь ворот –
может быть, кто-нибудь, да придет
слушать беззвучные, долгие наши песни.

Вот он, рай, залетейский край;
штора колышется; не замай,
дай подойти – но за окном ни звука;
утром выглянешь из окна –
обступает сумеречная страна,
немая, как сон, просторная, как разлука.

Только и дел, что терять слова,
глядеть, как незримые жернова
перетирают в пыль имена и лица;
по половицам катать клубок,
сыпать в спичечный коробок
просо, золу, золотой песок –
да в зеркалах двоиться.

* * *

О. Г.

белый круг горизонта
солнце над солончаком
вечный день, белый день
не грусти уже ни о ком

путь далек лежит
свет да свет кругом, твердь да твердь
никогда не стемнеет уже –
ни к чему темнеть

вдох, мгновение, выдох
птица над головой
видно точку вдали
будто кто-то идет
живой

